

УДК 303.447.2

В.В. Мархинин**ГЕНДЕР В СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОМ НАУЧНОМ ПОЗНАНИИ**

Рассматривается вопрос о состоянии и методологии исследований гендера в социально-гуманитарном научном познании в целом и в ряде отдельных социально-гуманитарных наук, в частности. Показаны теоретические предпосылки формирования понимания пола как социального феномена в истории европейской мысли и роль в этом феминистского движения. Вместе с тем отмечается, что гендерная теоретическая мысль явилась способом и формой более адекватного отражения взаимоотношений полов, нежели феминистская теория. В частности, социально значимым теоретическим результатом гендерных исследований возможных путей преодоления неравенства полов и угнетенного положения женщин явилось преодоление интенции феминистской теории на культивирование «вражды полов». Аргументируется тезис о том, что важнейшей составляющей теоретического основания гендерных исследований является классическая марксистская теория происхождения неравенства полов как одного из выражений процесса происхождения социально-классового неравенства. Этой теории соответствует историко-материалистический и модифицированный для решения научных задач диалектический метод. Раскрывается несостоятельность альтернативной названному методу постмодернистской познавательной ориентации. Состояние и значение методологии в исследованиях гендера демонстрируются на материале таких научных дисциплин, как история, психология, социология и экономика. Делается вывод, что пришло время, когда феминизм как таковой должен сниматься гендерным подходом как подходом, адекватным идеалу социального равенства и союза полов.

Ключевые слова: гендер, феминизм, социально-гуманитарные науки, постмодернизм, научный метод.

Введение

«Гендер» как термин, с помощью которого обозначают так называемые гендерные исследования и гендерный подход в социально-гуманитарном научном познании, происходит от английского слова *gender* (производного, в свою очередь, от лат. *genus* – «род» в смысле подразделения племени). В английском языке слово *gender* означает грамматический род.

В исследованиях и в исследовательском подходе к решению проблем сути, особенностей, взаимоотношений женщин и мужчин словом *гендер*, используемым в качестве термина, стали обозначать *социальный пол* в противоположность *биологическому полу* (в английском – *sex*). Поскольку, в отличие от английского, во многих других европейских языках, в том числе в русском языке, нет слова *пол* или *род*, которое означало бы пол в его не биологическом значении, постольку в этих языках для обозначения социального пола стали использовать кальку английского слова *гендер*. То есть предполагается, что кроме пола в обычном смысле – биологически врожденной идентичности человеческих индивидов в качестве мужчин или женщин, имеет место социальная определенность мужского и женского полов. Можно сказать, что в первом приближении предметом гендерных исследований и гендерного подхода выступают как раз социальные факторы и процессы, определяющие социальную половую идентичность человеческих индивидов и характер взаимоотношений между лицами и группами различной социальной половой принадлежности. В данной статье рассматривается вопрос о состоянии, методологии исследований гендера в целом в социально-гуманитарном научном познании и в ряде отдельных социально-гуманитарных наук.

Теоретические основания

Предпосылки понимания пола не только как природного, но и как собственно социального феномена, складывались в истории европейской мысли на путях осознания социальной несправедливости того приниженого и угнетенного положения женщин, которое они занимали (занимают) относительно мужчин. Тем самым предполагалось, что оно, это положение, проистекает не из природо-рожденных свойств пола, а из его социально задаваемых свойств, и что изменение этого положения возможно лишь в результате общественного освободительного движения. Но сколько-нибудь широкое общественное движение, ставящее целью освобождение женщин и способное реально бороться за достижение этой цели, возникает только через века и эпохи спустя после того, как женщины оказались в порабощении, а именно, к концу XVIII в. В начале XIX в. это движение стали называть *феминизмом*

(от лат. *femina* – женщина). К середине XIX в. феминистки в разных европейских странах и в США научились бороться за свои права путем организации массовых компаний и акций. Вначале на первом плане стояла борьба за доступ к образованию, за реформы в области права собственности, за право женщин на развод, за право на рабочие места и достойную оплату труда, на следующем этапе – за гражданские права, в первую очередь – за избирательное право. Столетие спустя эти требования были во многом реализованы, по крайней мере, – на формально-законодательном уровне. Женское освободительное движение XIX – первой половины XX в. в исследовательской литературе назвали первой волной феминизма. В шестидесятых годах прошлого века начинается вторая волна феминизма. Кроме того, требовалось и дальнейшее совершенствование законодательства в отношении прав женщин. Главной причиной этой второй волны явилось то, что, как выяснилось, и самое совершенное законодательство само по себе не может в должной мере изменить действительное подневольное и неравноправное положение женщин. Не случайно также, что взлет второй волны феминизма совпадает со студенческими волнениями 1968 г. в западно-европейских странах. Ведь заметный аспект этих волнений состоял в провозглашении и осуществлении так называемой сексуальной революции, то есть в установлении более свободных сексуальных отношений, предпосылки для чего во многом были созданы как раз феминизмом. Вместе с тем феминизм сливался со студенческим движением в борьбе с капитализмом, поскольку это являлось осознанием того, что порабощение женщин является одной из форм социального порабощения вообще.

Признанной теоретиком-родоначальницей второй волны феминизма явилась француженка Симона де Бовуар, писательница, философ-экзистенциалист, автор книги «Второй пол» (1949 г.). С. де Бовуар считает, что характер разделения труда как источник порабощения женщины в семье и обществе не предопределен природной сущностью женщины. Сама женщина, прежде всего, социальное существо. «Женщиной не рождаются, ею становятся», – говорит де Бовуар.

Симона де Бовуар подала пример исследовательской деятельности по изучению положения женщин самими женщинами. Составной частью второй волны феминизма явилось создание институциональных форм производства феминистской теории в рамках университетской науки и образования – исследований женских проблем преимущественно самими женщинами. В США на основе программ «Women Studies» создавались кафедры, научно-исследовательские центры, архивы и др. В 1977 г. была учреждена Национальная Ассоциация по женским исследованиям. В Европе программы женских исследований в университетах появляются в 1980-х – 1990-х гг.

Но с 1980-х гг. и в США, и в Европе программы женских исследований (Women Studies) в университетах начинают сменяться программами гендерных исследований (Gender Studies), хотя и не вытесняют первые полностью. Дело здесь в том, что название программ Women Studies недостаточно скрывало их принадлежность феминизму, неприемлемому многими из тех, от кого зависела их институционализация. Впрочем, программы Women Studies вызвали критическое отношение к себе в заметной части и со стороны тех, кто работал в их рамках. «Поскольку Women's Studies, – пишет одна из авторитетных специалистов в этой области, – вошли в «мэйнстрим», они получили статус легитимности, но по той же причине их границы оказались на замке, и на их территорию был закрыт доступ тем текстам или подходам, которые воспринимались как «оскорбительные для женщин» [1. С. 138]. Другой стороной этого агрессивного «профеминизма» является культивирование «антимаскулинных» («маскулинный» от лат. *masculus*, мужской) настроений. Думается, что программы Women Studies переживали – если говорить о наиболее глубокой социальной причине – кризис, состоящий в том, что были исчерпаны те решения задач в области обеспечения прав женщин, которые вообще возможны в рамках капиталистического общества. Поскольку понятие *гендер* не предполагает исследований исключительно женских проблем, а ставит в центр внимания взаимоотношения полов, постольку в гендерных исследованиях может достигаться идеологически нейтральное, объективное и, соответственно, более глубокое научное познание проблем социальных отношений полов, женского и мужского. Соответственно, гендерные исследования оказываются формой дистанцирования от «женских исследований» с их ставшим обычным для феминизма культивированием духа «вражды полов».

Центральной проблемой гендерных исследований является вопрос о происхождении социального неравенства полов, поскольку от его решения зависит и понимание того, возможно ли и, если возможно, то, как именно возможно преодоление этого неравенства. Если, например, как предполагается марксистским решением вопроса о происхождении неравенства полов, оно связано с возникновением классового общества, то и преодоление неравенства полов, в конечном счете, должно пред-

ставяться возможным лишь в перспективе устранения в целом строя классового неравенства, всей системы социального неравенства.

Собственно, вопрос о происхождении неравенства полов вполне убедительно решен в основных чертах еще в классическом марксизме. В наиболее развернутом виде его решение дано в труде Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (1884 г.) [2]. Энгельс выводит социальное неравенство полов из трансформации первобытного разделения труда между полами, совершившейся при переходе от первобытности к классовому обществу. На наш взгляд, со времени Энгельса так и не было предложено убедительно обоснованного альтернативного решения данного вопроса. Если же альтернативные решения порой предлагаются, то это происходит на основе неадекватной интерпретации классической марксистской позиции. Как, в частности, это имеет место в особенно известной в современной гендерной (феминистской) историографии работе Гэйл Рубин «Обмен женщинами: заметки о "политической экономии" пола».

Г. Рубин в своем исследовании проблемы происхождения социального неравенства полов исходит из системы «пол/гендер», то есть из того, что пол как социальный феномен (гендер) взаимосвязан с биологическим полом (секс) и определенным образом снимает в себе биологический пол. Рубин рассматривает свое исследование именно как развитие марксистской позиции. По ее словам, она предлагает «сделать следующий шаг, приступить к следующему пункту повестки дня: марксистскому анализу системы «пол/гендер» [3. С. 131]. Выдвинутый тезис Г. Рубина о том, что неравенство полов следует выводить из системы «пол/гендер», соответствует исходному пункту теории происхождения социального неравенства полов, разработанной Ф. Энгельсом, хотя он, естественно, и не пользовался термином «гендер». То, что собой представляет женщина как социальное существо, или то, какую роль она играет в обществе, задается и не может не задаваться в некоторых существенных моментах ее биологическим полом. Так считает Энгельс и то же провозглашает, по сути, Рубин, выступившая со своей концепцией почти век спустя. Удивительно, однако, и то, как Энгельс действительно развивает теорию, соответствующую указанному исходному пункту. Рубин он вовсе оказывается ненужным.

Рубин отождествляет возникновение неравноправного и угнетенного положения женщины с первобытным обменом женщинами. Согласно мнению Рубин, мужчины определенного рода для поддержания целостности родоплеменной структуры племени обмениваются женщинами с мужчинами другого рода (других родов). Но тем самым ведь предполагается, что мужчины изначально распоряжаются женщинами, то есть женщины неравноправные и подневольные существа. Никакого объяснения возникновения неравенства полов из исходной системы «пол/гендер» в таком случае не дается, так как собственно никакого возникновения то и нет. Не возможно мыслить даже то, что корни социального неравенства лежат в дочеловеческом животном мире, поскольку в животном мире мужские особи вовсе не обмениваются самками. Выходит, что неравноправное положение женщины не продукт общества и культуры, а, напротив, их предпосылка. Но если неравенство полов изначально и определяет соответствующие черты общества и культуры, то не ясно, как вообще возможно освобождение женщины. Г. Рубин, прокламирующая задачу развития марксистского феминизма, теории происхождения неравенства полов, разработанной Энгельсом, в итоге приходит к постановке уже знакомой нам на материале либерального постмодернистского феминизма задачи деконструкции гендера, то есть скатывается к буржуазно-идеологической позиции.

Энгельс, имея в виду биологические (по крайней мере, – анатомические и физиологические) особенности женщины, заключающиеся в том, что исключительно женщина предназначена к рождению и вскармливанию потомства и что в отношении физической силы она заметно уступает мужчине, объясняет этими особенностями возникновение разделения труда между полами, первобытного и вообще первоначального вида разделения труда. Энгельс говорит об этом первоначальном разделении труда: «Разделение труда – чисто естественного происхождения; оно существует только между полами. Мужчина воюет, ходит на охоту и рыбную ловлю, добывает продукты питания в сыром виде и изготавливает необходимые для этого орудия. Женщина работает по дому и занята приготовлением пищи и одежды – варит, тклет, шьет» [2. С. 159]. Но возникновение разделения труда между полами не равнозначно возникновению социального неравенства полов. Напротив, первоначальное разделение труда было состоянием социального равенства. Энгельс, ссылаясь на этнографический материал, продолжает: «Каждый из них – хозяин в своей области: мужчина – в лесу, женщина – в доме. Каждый является собственником изготовленных и употребляемых им орудий: мужчина – оружия, охотничьих и рыболовных принадлежностей, женщина – домашней утвари. Домашнее хозяйство ведется на ком-

мунистических началах несколькими, часто многими семьями. <...> То, что изготавливается и используется сообща, составляет общую собственность: дом, огород, лодка» (Там же). На современном материале обоснование мысли о первобытном коммунизме и равенстве полов в его условиях см., напр.: Ю.И. Семенов. Социальная организация отношений между полами: Возникновение и развитие. URL: http://scepsis.net/library/id_84.html.

По мере прогресса производства, с переходом от собирательства и охоты как главных способов добывания средств для жизни к скотоводству и земледелию разделение труда, являющееся условием социального равенства полов, становится условием их неравенства (только тут, рассматривая этот переход, можно говорить об «обмене женщинами»). «В старом коммунистическом домашнем хозяйстве, охватывавшем много брачных пар с их детьми, вверенное женщинам ведение этого хозяйства было столь же общественным, необходимым для общества родом деятельности, как и добывание мужчинами средств пропитания. С возникновением патриархальной семьи и еще более – моногамной индивидуальной семьи положение изменилось. Ведение домашнего хозяйства утратило свой общественный характер. Оно перестало касаться общества. Оно стало частным занятием, жена сделалась главной служанкой, была устранена от участия в общественном производстве» (Там же. С. 76). С одной стороны, рост частной собственности вел к возникновению классового неравенства и образованию государства как формы управления классовым обществом. С другой стороны, поскольку возникшая моногамная семья была основной ячейкой производства частной собственности, сосредоточенного в руках мужчин, постольку моногамная семья приобретала форму патриархальной, закреплявшей господство мужчин над женщинами. Социальное неравенство полов выступило как феномен, органически сопряженный с классовым неравенством. Поэтому по настоящему полное освобождение женщины предполагает революционный переход – переход от классового общества, в котором господствуют отношения частной собственности, к бесклассовому, коммунистическому строю, основанному на общественной собственности на средства производства.

Метод

Гендерные исследования в сфере социально-гуманитарного познания, изучающие различные аспекты взаимоотношений полов как социальных категорий и претендующие на статус научных, поскольку в научном решении их центральной проблемы – проблемы происхождения социального неравенства полов – образцовой остается классическая марксистская теория, постольку и определяющей для них методологией является (должна являться) методология данной теории: историко-материалистический, модифицированный для решения научных задач диалектический метод (см.: [4]). Вместе с тем данный метод в социально-гуманитарных исследованиях проблем гендера выступает в совокупности с другими методами, методологическими подходами и принципами, как взаимно дополнительными к нему, так и ему альтернативными.

Следует отдельно упомянуть особенно влиятельную в современной историографии гендера альтернативную классической марксистской методологии методологию постмодернизма. Постмодернизм отрицает в принципе значения классического наследия в социально-гуманитарном познании на основе субъективистских предпочтений и «деконструкции» этого наследия как якобы формы «логоцентризма» (Ж. Деррида [5. С. 116]). Постмодернистский подход ориентирует на обоснование в качестве единственной реальности социального мира его знаковое и символическое представление. Ключевое значение для поворота к рассмотрению проблем собственно гендера явился психоанализ Ж. Лакана, экономно резюмированный им в концепте «фаллоцентризма» [6] – по примеру «логоцентризма» Дерриды (включившего позже эту лакановскую новацию в синкретический концепт «фаллоцентризма» [7]). Метод фаллоцентристской деконструкции гендера нацелен на разрушение бинарной оппозиции мужского и женского полов путём конструирования множественности полов, то есть своего рода квир-гендера, в котором, наряду с мужским и женским полом, присутствуют гомосексуальные – гей и лесбийские – половые идентичности их разновидности: бисексуальность, трансвестизм, сексуальные перверсии и т. п. (см., напр.: [8; 9. С. 39]). Результаты постмодернистских исследований гендера, на наш взгляд, с очевидностью показывают несостоятельность их методологии. Дело не только в моральной сомнительности тотальной гомосексуальной альтернативы норме мужской и женской идентичностей человеческого рода, но и в её онтологической несостоятельности: гомосексуальность не может быть источником жизни рода человеческого, как и всякого вообще биологического вида.

Таким образом, в исследованиях гендера сохраняется центральная значимость и актуальность историко-материалистического метода, основанного на адаптированной к решению научных задач диалектике, дополняемого совместимой с ним совокупностью более частных методов социально-гуманитарных наук (примеры будут упоминаться ниже при характеристике исследований гендера в ряде отдельных наук). Сказанное, разумеется, справедливо и для решения задачи, поставленной в данной статье.

Результаты

К настоящему времени исследования гендера ведутся во всём цикле социально-гуманитарных наук. Мы сможем остановиться на характеристике состояния и особенностей гендерных исследований только в ряде наук, а именно: в истории, психологии, социологии, экономике.

История. Гендерным исследованиям в исторической науке предшествовала феминистская «история женщин» или феминология, которая как академическая дисциплина входила в круг университетских «женских исследований» («Women Studies»). Заслужив феминологии 1960 – 1970-х гг. было то, что она обнаружила недостаток всей предыдущей историографии исторических исследований, указав на ее исключительно мужской характер, на то, что она не изучала историю женщин, роль женщин в истории, что эти исследования являются результатом исключительно мужского, но не женского взгляда на историю. Феминологическая история активно принялась за дополнение истории женским аспектом. Но попытка пополнить историю «историей женщин» показала и собственную недостаточность феминологии: предыдущая историография не артикулировалась вовсе в плане различия и единства мужского и женского аспектов отображаемой исторической реальности. Поэтому механическое дополнение историографии «женской историей» не могло привести к адекватному целостному видению истории. Выходом из положения стала сложившаяся в 1980-х гг. гендерная теория, готовая выступить в функции методологического подхода. Принято считать, что начало осмыслению применимости гендерного подхода в исторической науке положила феминистка, американский историк Джоан Скотт (род. в 1941 г.), выступившая со статьей «Гендер – полезная категория исторического анализа» (1986 г.) [10].

Д. Скотт полагает, что гендер представляет собой интегральную связь, с одной стороны, социального отношения полов, а с другой – первичного средства означивания власти. Отсюда у нее следует понимание гендерной истории как истории, в которой среди социальных отношений, аспектом которых являются отношения полов, центральное место принадлежит политической истории (это же, но без какого-либо теоретического объяснения фактически, как она думает, принимается и в традиционной истории). Гендерная история, взятая в качестве социальных отношений полов, включает: 1) изучение символов и образов, отображающих мужское и женское измерения истории; 2) нормативные социальные установления, которые в той или иной мере основаны на символах и образах мужского и женского; 3) социальные институты, конструирующие гендер: родство, семья, домохозяйство, рынок рабочей силы, система образования, государственное устройство и др.; 4) способы формирования субъективной идентичности (то есть личностного самосознания) под влиянием норм феминности и маскулинности поведения. Все эти четыре аспекта гендерной истории центрируются на политическом плане исторического процесса. Концепция применения гендерного подхода в исторической науке Д. Скотт во многом определила исследовательскую практику применения гендерного подхода в истории (об историографии гендерной истории см.: [11]).

Психология. В 1970–80-е гг. в изучении психологии полов доминировала феминистская психологическая мысль. Но тогда же были созданы психологические концепции, которые легли в основание перехода к собственно гендерной психологии, вполне оформившейся в 1990-е гг.

В феминистской психологии, кроме того, что она является односторонне «женской», культивируется зачастую агрессивное отношение к мужскому полу как, якобы, враждебному женщинам. Феминистская психология оказалась склонной к восприятию постмодернизма, что уводило (и поскольку она продолжает свое существование и после того, как вполне сформировалась гендерная психология, то – и продолжает уводить) от требований научности в сторону буржуазно-идеологического смысла. Ярким примером этого является творчество Элен Сиксу, выступившей (совместно с Катериной Клемент) в 1986 г. с книгой «Недавно рожденные женщины» [12], написанной с позиции психоанализа и постструктурализма. В книге ставится цель ниспровержения теоретических и социальных структур посредством «женского» начала как источника энергии и многообразия. Это, конечно, совершенно не опасный для буржуазной власти бунт на бумаге.

Среди авторов, которые являются особенно известными представителями собственно гендерной психологии (хотя некоторые выступили еще в 1970 – 80-е гг.), назовем американских исследовательниц Сандру Бем, Нэнси Ходоров, Шон Бурн. Охарактеризуем кратко взгляды названных авторов по центральной проблеме гендерной психологии – проблеме гендерной идентичности личности.

С. Бем в работе «Теория гендерной схемы и ее применение для развития ребенка: воспитание ребенка, свободного от гендерной схематизации, в обществе гендерной схематизации» (1974 г., на русском языке: [13]) процесс гендерной идентификации личности раскрывает, используя концепт *гендерных схем*. Она предполагает, что кроме обучения понятиям и формам поведения ребенка обучают еще восприятию и организации информации посредством усваиваемых ребенком психических структур, в которых чувственно воспринимаемый и концептуально отображаемый окружающий мир выстроен в соответствии с гендерными дихотомиями: мужчина – женщина, мужское – женское. Такие психические структуры автор и назвала гендерными схемами. Итогом усвоения гендерных схем является половая типизация индивидов. Бем выявляет три типа половой типичности (иначе – гендерной идентичности): мужская (маскулинная) («уверенный в себе», «независимый»), женская (феминная) («сопереживающий», «нежный») и андрогинная, сочетающая в себе мужские и женские черты. Перспективу преодоления неравенства женщин Бем видела в формировании андрогинного типа личности. Но позже, в книге «Линзы гендера. Трансформация взглядов на проблему неравенства полов» [14] Бем сама отказывается от уже ставшей популярной концепции андрогинии, поскольку в ней подразумевается, что некоторые из одобряемых качеств андрогинна являются «мужскими», а «некоторые – «женскими». Что противоречит намерению автора и тех, кто борется против неравенства полов, снизить гендерную поляризацию. Кроме того, теперь она замечает, что распространение андрогинии предполагает лишь личностный выбор и индивидуальные усилия, в то время как гендерное неравенство требует социально-институциональных изменений. Правда, делая этот справедливый вывод, она не раскрывает, какой конкретно характер изменений требуется.

Н. Ходоров в работе «Воспроизводство материнства» (1978) [15] (см. также на русском языке: [16]), исследуя процесс гендерной идентификации личности, отправляется от взглядов З. Фрейда на процесс формирования половой (sex) идентичности. Однако относится она к этим взглядам резко критически. Учение Фрейда, считает Ходоров, как и другие феминистки и исследователи гендера, слишком индивидуалистично, нельзя понять психические процессы, воображая человека в качестве изолированного существа, словно его психический мир является продуктом лишь его влечений. В центре внимания должны находиться взаимодействия человека с другими людьми. Она не соглашается с психоаналитической концепцией Фрейда в главных пунктах. В отличие от Фрейда, считавшего отца центральной фигурой в осознании ребенком своего пола, она исходит из того, что эмоционально ребенок связан прежде всего с матерью, поскольку именно мать оказывает на него главное влияние в первые годы жизни. Рассматривая процесс формирования гендерной идентичности, она вообще смещает анализ от отношений между отцом и ребенком к отношениям между ребенком и матерью. Назначение материнства состоит в подготовке детей к исполнению гендерных ролей в обществе. Мать находится в особой близости с дочерью. В результате девочка готовится к материнству и заботе о семье (материнство воспроизводит себя), а мальчик, так сказать, «обесценивает» мир женщины и ориентируется на деятельность во внешнем мире. Чтобы изменить положение воспроизводства стереотипных гендерных ориентаций и женского неравенства, отцы должны принимать более активное участие в воспитании детей – тогда дети обоих полов будут готовы к исполнению более широких ролей в обществе, чем стереотипные гендерные роли.

Позиция Ш. Бурн замечательна уже тем, что эта автор, вопреки чрезвычайной распространенности в феминистской и гендерной психологии апелляций к психоанализу (пусть хотя бы и критических, как, в частности, у Ходоров), обходится совершенно без каких-либо ссылок как на учение самого Фрейда, так и на важную для постмодернизма лакановскую рецепцию фрейдизма. Безусловно, такая позиция значима для утверждения научного характера гендерной психологии на путях освобождения от сомнительных положений фрейдизма и прямо антинаучного постмодернизма психологических концепций в духе Лакана. Ш. Бурн, выступившая в 1996 г. с монографией «Социальная психология гендера» [16] (см. на русском языке: [17]), вероятно, не случайно, а именно по причине принципиальной неприемлемости для нее психоанализа, не воспринимает даже и какие-либо идеи Н. Ходоров, которые при всей их критичности по отношению к учению Фрейда все-таки сохраняют свою зависимость от этого учения. Зато концепция Бурн открыто преемственна по отношению к концеп-

ции Сандры Бем. Бурн отмечает резонансность аргумента Бем в пользу отказа от собственной, бемовской идеи андрогинии как варианта завершения процесса гендерной идентификации личности и оптимальной формы снятия резкой дисгармоничной полярности мужской и женской идентичности и, соответственно, преодоления гендерного неравенства. Аргумента, который состоит в том, что утверждение андрогинии предполагает лишь личный выбор, тогда как гармонизация гендерной идентичности требует социально-институциональных сдвигов. Больше того, Бурн видит в принятии идеи андрогинии в качестве идеала гендерной идентичности и установления равенства полов еще одну трудноразрешимую проблему – проблему, которая «кроется в возможной утрате позитивной социальной идентичности, которую повлечет за собой сглаживание дихотомии мужского-женского» [17. С. 26]. В своей работе она показывает, что отчетливо выраженные мужская и женская идентичности являются основанием для самоутверждения и развития человеческой личности, при том что гомосексуальность она квалифицирует как нарушение гендерных норм. Тем самым Бурн наносит сильный теоретический удар по постмодернистским феминизму и гендерологии с их апологией квириденностей. Тем не менее Бурн считает, что следует признать плодотворность концепции андрогинии, выдвинутой Бем. Бурн пишет: «Я соглашусь с Бем (то есть с Бем как автором названной концепции, еще не отказавшимся от нее. – В.М.) в том, что андрогиния, несмотря на скрытые в ней проблемы, дает возможность построить картину утопии, где человеку не нужно отказываться от тех своих качеств и моделей поведения, которые его общество считает несоответствующими гендеру. Важность этой концепции также в том, что она дает осознать одинаковую привлекательность качеств, традиционно считающихся женскими, и качеств, которые мы привыкли считать мужскими» (Там же). Андрогинная идентичность, как можно понять Бурн, есть должная мера сочетания мужских и женских черт в отчетливо выраженных гендерных идентичностях: женской и мужской. На пути создания социальных условий для формирования таких идентичностей и станет реальностью гендерное равенство.

Концепция формирования гендерной идентичности Ш. Бурн, опираясь на творческий потенциал предшествующей исследовательской традиции, освобождая психологию от субъективизма классического и постмодернистского психоанализа, дает импульс развитию гендерной психологии в качестве научной дисциплины.

Социология. К 1960-м гг. самой влиятельной социологической концепцией, призванной истолковать взаимоотношения полов, стала *полоролевая концепция* американских авторов Т. Парсонса и Р. Бейлса, разработавших ее в рамках структурно-функциональной теории общества и изложивших в совместной монографии «Семья, социализация и процесс взаимодействия» (1956 г.) [19]. Авторы считают, что существующая дифференциация ролей мужчины и женщины в семье является положительным явлением, поскольку она опирается на природные различия между полами и является основанием стабильного существования общества. В семье, согласно полоролевой концепции, женщина выполняет экспрессивную роль – роль домохозяйки, устанавливающей сбалансированные отношения в семье; мужчина выполняет инструментальную роль – роль добытчика, регулирующего отношения семьи с другими социальными институтами. Полоролевые концепции (кроме концепции Парсонса – Бейлса варианты полоролевых концепций созданы и другими авторами) были подвергнуты справедливой критике за то, что они игнорируют существование проблемы социального неравенства полов, не позволяют объяснить существование и происхождение этого неравенства. Также эти концепции подверглись критике за их неисторический характер: роли полов в этих концепциях, по сути, увековечиваются, поскольку однозначно увязываются с биологическим полом.

В качестве альтернативы полоролевой социологической концепции сначала в феминистской, а затем с 1980-х гг. – в гендерной социологии выступили социологические концепции, основанные на *теории социального конструирования реальности*. Эта теория была создана австрийско-американским социологом П.Л. Бергером и немецким социологом Т. Лукманом, опубликовавшими в 1966 г. совместную работу «Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания» [20] (русский перевод: [21]). В этом трактате «социология знания», основоположниками которой являются М. Шелер и К. Мангейм, развита в русле феноменологической социологии А. Шюца. Но кроме влияния упомянутых и ряда других авторов в теории социального конструирования реальности центральное значение имеют, по признанию ее авторов, идеи социальной философии К. Маркса. «У Маркса, – отмечают Бергер и Лукман, – берет свое происхождение основное положение социологии знания о том, что социальное бытие определяет человеческое сознание» [21. С. 17]. Социальное бытие есть объективный план реальности, содержание сознания – ее субъективный план. Оба плана необходимы для существования и

развития реальности, поскольку и объективный план, отображаемый в сознании, и субъективный план, составляющий содержание сознания, являются результатом человеческой деятельности; реальность *конструируется* посредством деятельного воплощения содержания сознания в социализации индивидов и их деятельности по изменению социальной структуры. Теория такого конструирования реальности близка идее К. Маркса о том, что человек сам творит свою историю, но в определенных, не им и до него созданных условиях. Бергер и Лукман специально не занимались вопросами взаимоотношений полов. Их теорию применили к решению этих вопросов другие авторы – представители феминистской и гендерной социологии. Среди социальных конструктивистов в гендерной социологии известны американские социологи К. Уэст и Д. Зиммерман [22; 23], австралийский социолог Р. Коннел [24; 25].

Уэст и Зиммерман, как и другие социологи-конструктивисты, исходят из того, что конструирование гендера предполагает отличие социальной категории пола от биологического пола. Гендер является результатом воздействия общественных норм, приписывающих индивидам пол вместе с отношениями неравенства между полами и дискриминацией женщин мужчинами. Гендерное неравенство воспроизводится в повседневном взаимодействии между гендером как социальной структурой и другими социальными структурами (институтами), а также между полами внутри гендера.

Р. Коннел конструирование гендерных отношений предлагает рассматривать как результат процесса взаимодействия участников гендерных отношений и социальных структур. Участники гендерных отношений должны быть представлены и как агенты, и как субъекты этих отношений, а социальные структуры как исторически возникающие и изменяющиеся. При таком видении процесса маскулинность (мужское) и феминность (женское) открываются в качестве заново создаваемых на каждом особом этапе истории общества. Отношения власти внутренне присущи гендеру, но выступают в исторически изменчивых формах.

Кроме социологической разработки категорий гендера и гендерных отношений, о чем мы кратко сказали, обратившись к творчеству особенно известных гендерных социологов, в гендерной социологии к настоящему времени разрабатываются и многие иные темы. Это темы уровней гендерных отношений, субъекта отношений на каждом особом уровне, переходов с позиции субъекта в позицию объекта гендерных отношений, социально значимых гендерных норм и стереотипов, гендерного неравенства в различных профессиональных сферах и социальных средах и др. (см.: [26]).

Экономика. Феминистская экономическая теория относится к тем научным социально-гуманитарным дисциплинам, которые не испытали сколько-нибудь глубокого влияния постмодернистской философии. Очевидно, это обусловлено тем, что вне стремления к идеалу объективной истины, отвергаемому постмодернизмом, экономическая теория вообще утрачивает смысл. Хотя в результате феминистская экономическая теория не скомпрометировала себя так сильно, как иные феминистские теории – теории, подвергшиеся разрушительному воздействию постмодернизма, тем не менее уже известная нам односторонность феминистской позиции привела к тому, что в 1980-х, а особенно – в 1990-х гг. феминистскую экономику стала сменять гендерная экономическая теория. Как признано, общую платформу гендерного подхода в экономической теории составляет определение, данное автором одного из учебников по гендерной экономике («Economics of Gender») Дж. Джакобсеном. Это определение такое: «предметная область гендерной экономики охватывает 3 типа экономических проблем: теоретические модели, которые включают мужчин и женщин; эмпирические исследования, направленные на исследование общности и различий в положении мужчин и женщин; анализ экономической политики, которая различным образом затрагивает каждый из полов» (Цит. по: [27]).

Заметим также, что в случае экономической теории, поскольку гендерные исследования выступили не как отрицание феминистской позиции, а как ее восполнение, исследователи, изучающие проблемы гендера, зачастую не отказываются от принадлежности к феминизму и не скрывают эту принадлежность.

В гендерной экономической теории выделяются два основных направления: марксистское и неоклассическое; второе является по своему политическому характеру либерально-буржуазным.

Известными представителями марксистского направления являются феминистки Эли Зарецки, Хайди Хартманн, Айрис Янг и многие другие.

Экономические концепции названных авторов представляют собой некоторое дискуссионно-эвристическое единство.

Х. Хартманн в программной статье «Несчастливый брак марксизма с феминизмом: путь к более прогрессивному союзу» (1979 г.) [28] (на русском: [29]), провозглашая необходимость квалифициро-

вать союз феминизма и марксизма как «несчастливый брак», расторгнув который следует найти более «прогрессивный союз», имеет в виду не предложение порвать с марксизмом, а намерение совершить адекватное задачам феминизма *обновление* его союза с марксизмом. Ортодоксальный марксизм оперировал представлением о субъектах капиталистического производства безотносительно к их половой структуре, поэтому не замечал, что женщины эксплуатируются своего рода альянсом между мужчинами и капиталистами. В марксизме домашний труд рассматривался только как вспомогательный источник воспроизводства капиталистических отношений. Но домашний труд – это, прежде всего, способ производства патриархата. С другой стороны, феминизм внеисторичен, поскольку не видит связи иерархии полов с другими социальными институтами. Если устранить указанные недостатки марксизма и феминизма, то станет ясно, что в той мере, в какой мужчины преследуют интересы своего пола, эксплуатируя женщин, в такой мере они подрывают свои классовые интересы.

Айрис Янг критически отнеслась к концепции Х. Хартманн по той причине, что в этой концепции капитализм и патриархат выступают как дуальная система, а не имея общего основания, не могут быть рационально поняты в своем единстве. Развив эту критику в ряде статей («Социалистический феминизм и ограниченность дуальных систем», 1980 г. [30]; «По ту сторону несчастливого брака марксизма и феминизма», 1981 г. [31] и др.), Янг предложила интегрирующее видение, взяв за исходное положение, вслед за Ф. Энгельсом, разделение труда между полами. Она показывает, что разделение труда между полами, фактически действующее и при капитализме, не является просто патриархатным пережитком, а является существенной чертой капитализма.

Э. Зарецки опубликовал свою книгу «Капитализм, семья, личная жизнь» [32] и другие работы ещё в 1970-х гг., но они остались актуальными и переиздавались в 1980-е гг., благодаря чему повлияли на формирование гендерного подхода и, соответственно, репрезентативны для этого подхода. Э. Зарецки, в отличие от Х. Хартманн и А. Янг, считает, что мужчины, хотя практически и участвуют в капиталистической эксплуатации женщин, но не получают от этого выгоды – ее пожирает класс капиталистов, поскольку платит меньше рабочим-мужчинам за счет бесплатного домашнего труда их жен. Таким образом, патриархатные отношения являются средством эксплуатации рабочего класса в целом – и мужчин и женщин. Капитал именно в целях максимизации прибыли утверждает неравенство полов, основанное на институте семьи и разделении трудовой занятости в домашнем хозяйстве и на производстве.

Несмотря на концептуальные расхождения, все названные авторы, что, впрочем, относится ко всем представителям марксистского направления в гендерной экономической теории, согласны в том, что борьба мужчин вместе с женщинами за эмансипацию женщин – необходимое условие ниспровержения капитала и построения социализма. Очевидно, справедливо и обратное: борьба за социализм есть борьба за эмансипацию женщин.

Неоклассическое направление в экономической теории возникло в конце XIX в. (основатели – У. Джевонс, А. Маршалл и др.). В рамках этого направления гендерная экономическая теория формируется в 1980-е – 90-е гг.

Основателем и главной фигурой в неоклассической гендерной экономике является далекий от феминизма американский экономист Гэри Беккер (нобелевский лауреат, 1992 г.), выступивший с трудом «Трактат о семье» (1981 г.) [33] (на русском языке взгляды Г. Беккера представлены в сб. работ: [34]). Г. Беккер исследует экономику домохозяйства, брачное поведение, дискриминацию на рынке труда. Он рассматривает семью как производственную единицу, в которой производится «человеческий капитал» (иначе – «семейный капитал»). Семья использует ресурсы в виде товаров, покупаемых на рынке, и время членов семьи и выпускает «конечную продукцию» в виде благ, в которых она нуждается. Человеческий капитал – это самая ценная продукция семьи – это вложения в образование и профессиональную подготовку, в поиск работы; это капитал, поскольку предполагается, что названные вложения дадут отдачу – лучшую работу и более высокую зарплату. Решение каждого члена семьи, тратить ли ему свое время на работу дома или на производстве, зависит от соотношения стоимости благ, произведенных в домашнем хозяйстве и заработков на рынке. Поскольку женщины обычно уступают мужчинам в объеме накопленного человеческого капитала рыночного типа, для семьи выгодно, чтобы муж работал на производстве, а жена в домашнем хозяйстве.

Особенно важным для формирования семьи рынком является брачный рынок. Каждый его участник имеет определенную цену, в которой выражается обладание им благами, способными производить семейные блага, такие как дети, престиж, здоровье и др. Выбор партнера совершается в соответствии с двумя базовыми моделями: выбор по принципу либо сходства, либо различия. Основной

принцип – принцип сходства – состоит в том, что высокоценные мужчины выбирают высокоценных женщин и наоборот. Этот выбор является оптимальным, когда качества партнеров являются взаимно дополнительными, усиливающими друг друга. Выбор по различию – это модель, в которой качества партнеров являются взаимно заменяющими. При этом оптимальный выбор тот, когда высокооплачиваемые мужчины выбирают в жены низкооплачиваемых женщин. Для оптимизации семьи необходимо, чтобы первые трудились на производстве, вторые – в домашнем хозяйстве. Но в целом накопление человеческого (семейного) капитала имеет гендерную асимметрию. Основные инвестиции женщин в него – выращивание детей, мужчин – в накопление рыночного капитала.

Концепция Р. Беккера справедливо подвергается феминистской критике за ее скрытые андроцентризм и приверженность патриархату. Мы бы сказали, что у него, как и вообще в либерально-буржуазной неоклассической гендерной экономике, имеет место апология рыночных порядков как будто бы исключительно рациональных и, соответственно, предполагается, что будто бы «рука рынка» сама направляет гендерные отношения в сторону совершенства. В действительности же капиталистический рынок, как убедительно показывает марксистская гендерная экономика, сам по себе имеет своим условием воспроизводство социального неравенства женщин.

Выводы

Материально-организационные предпосылки освобождения женщины в современном обществе создаются в виде технических средств и способов облегчения труда по уходу за детьми и в целом труда в домашнем хозяйстве. Важны для освобождения женщины и юридические формы равноправия, достигнутые и достигаемые в современном, преимущественно все еще буржуазном, обществе. Но и прогрессирующее юридическое равноправие остается, хотя и совершенно необходимой, но только предпосылкой действительного освобождения женщины. Марксистская (и социалистическая) феминистская позиция тем отличается от либерально буржуазной (постмодернистской), что имея в виду предельное общественное состояние, в котором окажется возможным социальное равенство полов, увязывает задачи феминизма не с борьбой за права гомосексуалистов, каковая является борьбой за легализацию аморализма буржуазного общества эпохи его заката, а с задачами социального освобождения.

Существенным и органичным моментом стратегии современной борьбы за освобождение женщин, увязываемой с задачами социального освобождения, является установка не на противопоставление женщин мужчинам, не деконструкция гендера, как в постмодернистском феминизме, а именно развитие и применения гендерного подхода в различных социально-гуманитарных науках. Можно даже сказать, что пришло время, когда феминизм как таковой должен сниматься гендерным подходом как подходом, адекватным идеалу социального равенства и союза полов. Приходит все более широкое осознание того, что исследования положения женщин с целью установления их социального равенства с мужчинами не могут быть корректными, если сводятся к изолированному изучению положения одного пола – женского, как это предполагается феминизмом, но, чтобы быть корректными, такие исследования требуют постановки в центр внимания проблем взаимоотношений обоих полов – женского и мужского. Это позволяет надеяться на то, что результатом явится более точное и полное видение социокультурной реальности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лауретис де Т. Американский Фрейд // Гендерные исследования. 1998. №1.
2. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1961. Т. 21.
3. Рубин Г. Обмен женщинами: заметки о «политической экономии» пола // Хрестоматия феминистских текстов: переводы / под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 2000.
4. Мархинин В.В. Проблема специфики социальных и гуманитарных наук в классическом марксизме // Философия и общество. Научно-теоретический журнал. 2013. №4(72). С. 45-61.
5. Деррида Ж. О грамматологии / Пер. с фр. Н. Автономовой. М.: Ad Marginem, 2000.
6. Лакан Ж. Значение фаллоса / Сайт “J. LACAN”. URL: http://lacan.narod.ru/ind_lak/lac_r7.htm
7. Деррида Ж. Носитель истины // О почтовой открытке от Сократа до Фрейда и не только / Пер. с фр. Г.А. Михалкович. Минск: Современный литератор, 1999. С. 645-788.
8. Сэдживик И.К. Эпистемология чулана // Введение в гендерные исследования. Ч. II. Харьков: ХЦГИ; СПб.: Алетей, 2001. С. 174-200.

9. Бем С.Л. Линзы гендера. Трансформация взглядов на проблему неравенства полов. М.: РОССПЭН, 2004.
10. Скотт Дж. Гендер – полезная категория исторического анализа // Гендерные исследования. 2000. № 2(5). С. 142-170.
11. Пушкарева Н.Л. Гендерная проблематика в исторических науках // Введение в гендерные исследования. Ч. 1: учеб. пособие / под ред. И. Жеребкиной. Харьков; СПб., 2001. С. 277-312.
12. Cixous H., Clement C. The Newly Born Woman (Theory and History of Literature series, #24). Minnesota: University of Minnesota Press, 1975.
13. Бем С. Теория гендерной схемы и ее применение для развития ребенка: воспитание ребенка, свободного от гендерной схематизации, в обществе гендерной схематизации // Линзы гендера. Трансформация взглядов на проблему неравенства полов. М.: РОССПЭН, 2004. С. 308-330.
14. Бем С. Линзы гендера. Трансформация взглядов на проблему неравенства полов. М.: РОССПЭН, 2004. С. 308-330.
15. Chodorow N. The Reproduction of Mothering. University of California Press, 1978.
16. Ходоров Н. Психодинамика семьи // Хрестоматия феминистских текстов: переводы / под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. СПб.: Дмитрий Буланин. С. 140-166.
17. Burn Sh. M. The Social Psychology of Gender. McGraw-Hill, 1996.
18. Бурн Ш. Гендерная психология. М.: Прайм-Еврознак, 2004.
19. Parsons T., Bales R.F. Family, socialization and interaction process. Psychology Press, 1956.
20. Berger P.L., Luckmann T. The Social Construction of Reality. A Treatise on sociology of Knowledge. 1966.
21. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. Пер. с англ. Е. Руткевич. М.: Медиум, 1995.
22. West C., Zimmerman D.H. Doing Gender. Gender and Society // Vol. 1, No. 2. (Jun., 1987). P. 125-151
23. Уэст К., Зиммерман Д. Создание гендера / Хрестоматия феминистских текстов: переводы / под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. С. 193-220.
24. Connell R.W. The Structure of Gender Relations // Connell R.W. Gender and Power. Society, the Person and Sexual Politics. Cambridge: Polity Press, 1987. P. 91-166.
25. Коннелл Р. Структура гендерных отношений. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2012/3/k3.html>.
26. Чикалова И.Р. Гендерный подход в науках о человеке и обществе: смещение исследовательских парадигм // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны: навуковы зб. Вып. 3. Минск, 2007. С. 91 – 93.
27. Мезенцева Е. Гендерная проблематика в экономической теории // Введение в гендерные исследования. Ч. I: учеб. пособие / под ред. И. А. Жеребкиной. Харьков: ХЦГИ, 2001; СПб.: Алетейя, 2001.
28. Hartmann H. The Unhappy Marriage of Marxism and Feminism: Towards a More Progressive Union // L.Sargent (ed.) Women and Revolution: A Discussion of the Unhappy Marriage of Marxism and Feminism. London: Pluto Press, 1981. P. 1-42.
29. Хартманн Х. Несчастливый брак марксизма с феминизмом: путь к более прогрессивному союзу. М.: Свободный марксизм, 2016.
30. Young I. Socialist Feminism and the Limits of Dual Systems Theory // Rosemary Hennessy and Chrys Ingraham (eds.). Materialist Feminism: A Reader in Class, Difference, and Women's Lives. New York: Routledge, 1997. P. 95-106.
31. Young I. Beyond the Unhappy Marriage: A Critique of Dual Systems Theory // L.Sargent (ed.) Women and Revolution: A Discussion of the Unhappy Marriage of Marxism and Feminism. London: Pluto Press, 1981. P. 43-69.
32. Zaretsky E. Capitalism, the Family & Personal Life (State and Revolution). New York: Harper and Rou, 1976.
33. Becker G. A Treatise on the Family. Harvard University Press. 1981.
34. Беккер Гэри С. Человеческое поведение: экономический подход. Избранные труды по экономической теории / Пер. с англ. под науч. ред. Р.И. Капелюшникова. М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2003.

Поступила в редакцию 30.05.17

V.V. Markhinin

GENDER IN SOCIAL STUDIES AND HUMANITIES

The paper deals with the problem of status and methodology of gender studies in social sciences and humanities in general and in certain disciplines of social sciences and humanities in particular. The author points at the theoretical preconditions of forming the understanding of gender as a social phenomenon in the history of European thought and the role of the feminist movement in this process. At the same time the author notes that the theoretical idea of gender has become a more adequate means and form of reflection on gender relations than the feminist theory. A particularly socially significant theoretical result of gender theory searches of possible ways to overcome gender inequality and subordinate position of women was the overcoming of the feminist theory intention to cultivate "gender animosity". The author argues in favour of the thesis that the most important constituent of the theoretical framework for the gender studies is the classic Marxist theory of the origin of gender inequality as one of the expressions of the process of social class inequality origination. There is a certain historical materialistic dialectic method modified to solve scientific problems,

which corresponds to this theory. The author reveals the inconsistency of the postmodernist cognitive orientation as an alternative to the abovementioned method. The paper demonstrates the status and significance of the methodology in the gender studies for the cases of such disciplines as history, psychology, sociology and economics. The author's conclusion is that it is time when feminism per se should be replaced by the gender approach as the one that is adequate to the ideal of social equality and gender union.

Keywords: gender, feminism, social sciences and humanities, postmodernism, scientific method.

Мархинин Василий Васильевич,
доктор философских наук, профессор кафедры
философии и права
БУ ВО «Сургутский государственный университет»
428400, Россия, Тюменская область, г. Сургут,
ул. Ленина, 1
E-mail: markhinin@yandex.ru

Markhinin V.V.,
Doctor of Philosophy, Professor at Department
of Philosophy and Law
Surgut State University
Lenina st., 1, Surgut, Tyumen region, Russia, 428400
E-mail: markhinin@yandex.ru